

И. Ю. Фоменко

И. В. САБАНЕЕВ И М. С. ВОРОНЦОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РГАДА)

Портрет генерала Ивана Васильевича Сабанеева (1770–1829) помещен в «Военной галерее 1812 года» Зимнего дворца, что, безусловно, свидетельствует о признании его заслуг. Однако фигура Сабанеева долгое время оставалась в тени. В письме М. С. Воронцову из Варшавы от 22 марта 1815 г. он сетовал: «Нет генерала в армии, от самого лучшего и достойнейшего до самого неудалого, о котором бы соотечественники не находили по реляциям его имени, хотя изредка, в прошедшую войну, кроме меня. <...> Я как будто и не служил, как будто и выстрелу не слышал»¹. Отчасти это объясняется объективными обстоятельствами: 21 мая 1812 г., проводив М. И. Кутузова на Европейский театр военных действий, Сабанеев задерживается в «треклятом Букаресте», выполняя не близкие ему дипломатические поручения («Не считают ли меня важным дипломатом?»)². Таким образом, Сабанеев «опоздал» к началу летней кампании 1812 г.; только 23 октября 1812 г. он с явным облегчением сообщает М. С. Воронцову из Рожан: «Сами мы идем к Минску, дабы пресечь сообщение большой неприятельской армии с Вильно, Гродно и пр. Теперь жалею только о том, для чего я не с тобою»³. В 1813–1815 гг. письма Сабанеева Воронцову отсылались из Бромберга, Пивницы, Рейнебаха, с Немана, из Лейпцига, Дрездена, Варшавы.

Подробная биография И. В. Сабанеева впервые была опубликована в начале XX в. в «Русском биографическом словаре» (автор Б. Колубакин)⁴. Лаконичную, но емкую информацию о его военной службе содержат энциклопедии, изданные РОСПЭН к юбилею Отечественной войны 1812 года⁵. Заметное место отведено И. В. Сабанееву в книге И. А. Серовой «Ярославль и ярославцы в эпоху 1812 года»⁶. Но и эти работы нельзя считать последним словом в изучении биографии И. В. Сабанеева. Прежде всего, в них не упоминаются материалы, хранящиеся в фонде Воронцовых в РГАДА, в их числе как документы, опубликованные еще в конце XIX в. в составе 40-томного «Архива князя Воронцова»⁷, так и не публиковавшие-

еся. Материалы архива проясняют спорный вопрос о службе Сабанеева в Оккупационном корпусе М. С. Воронцова, который по условиям мирного договора был в 1815–1818 гг. дислоцирован в Мобеже. Его биографии содержат противоречивую информацию: «В 1815–18 служил в рос. Оккупац. Корпусе во Франции. По возвращении в Россию в дек. 1815 определен командующим... 6 го пехотного корпуса 2-й армии... на Ю. России»⁸. В книге Серовой: «...затем служил в русском оккупационном корпусе, с которым возвратился в Россию в 1815 году»⁹. Но Сабанеев принял предложение продолжить военную службу на южных рубежах России уже в 1815 г., когда Оккупационный корпус еще только формировался. Тогда ему «дали корпус», расположенный в треугольнике, «коего углы упираются в Хотин, Измаил и Херсон»¹⁰, и он взял годичный отпуск для устройства личных дел (оформлен с 6 декабря 1815 г.)¹¹. Уже в январе 1816 г. письма И. В. Сабанеева к М. С. Воронцову приходят из России во Францию. До того Воронцов и Сабанеев, видимо, предполагали служить вместе. Воронцов, первым взявший продолжительный отпуск, который провел в Англии, писал, что Сабанеев «поторопился» с определением своего будущего¹². Но Сабанеев, профессиональный военный, ждать не мог. Уже 8 июня 1814 г. он пишет из Дрездена: «Тебя нелегкая занесла за море. <...> Что со мною будет впредь, не знаю...», далее в том же письме он сообщал, что лично просил «фельдмаршала» (М. Б. Барклая де Толли) о передаче под командование Воронцову дивизии «на Волыни или в Подольской губернии»¹³. Не исключено, что и Сабанеев числился в каких-то списках, поданных Воронцовым при формировании Оккупационного корпуса. И хотя их дальнейшие служебные пути разошлись, они на долгие годы сохранили фронттовую дружбу, которой не препятствовали ни разница в возрасте, ни разрыв в имущественном положении (по данным ОПИ ГИМ, в 1826 г. за Сабанеевым числилось всего 70 душ), «домик» в Одессе и хутор были приобретены на заработки от военной службы¹⁴.

К сожалению, современному образованному читателю И. В. Сабанеев в лучшем случае известен по книге Н. Я. Эйдельмана «Первый декабрист», в которой отражен только один эпизод его служебной биографии¹⁵. Имеется в виду проведенное им в 1822 г. дознание по делу Владимира Федосеевича Раевского (1795–1872), офицера 16-й дивизии, входившей в возглавляемый Сабанеевым 6-й корпус, который использовал заведенную Сабанеевым при корпусе ланкастерскую солдатскую школу для агитации среди нижних чинов. При этом цитируемые Эйдельманом документы в ряде случаев демонстрируют парадоксальное сближение взглядов В. Ф. Раевского и И. В. Сабанеева. Даже термин «солдатский лицей», упомянутый

Раевским и вызвавший особое раздражение Александра I (приводится его реплика «есть в России один лицей и достаточно»), уже в 1817 г. широко использовался Сабанеевым, который называл организованное им в корпусе военно-учебное заведение «лицеей». Значительно более взвешенную и объективную оценку личности и деятельности И. В. Сабанеева содержит работа современного историка М. А. Давыдова «Оппозиция его величества»¹⁶, в которой подробно описаны противоречивые настроения военной элиты русского общества тех лет. Оценки М. А. Давыдова находят полное подтверждение в рукописях Сабанеева, хранящихся в РГАДА: «Неопытные критики не читая далее тот час закричат: Философия! Вольнодумство! прочитайте еще несколько строк, тогда судите», отмечает он в подстрочном примечании к одному из самых значимых своих трудов «Мысли о солдате» (Оп. 1. Д. 2877. Л. 7об.).

Н. Я. Эйдельман сетовал, что «судьбы и следы» гражданской жены Сабанеева и его пасынков «теряются в позднейших десятилетиях российской истории, к сожалению, вместе с бумагами, вместе с архивом генерала»¹⁷. Однако судьба сабанеевских рукописей сложилась более благополучно, причем снова благодаря М. С. Воронцову. Именно к нему Сабанеев, которого крайне беспокоила судьба его жены в случае вдовства, обратился с просьбой быть его душеприказчиком: «Что может быть вернее, как сделать завещание на имя твое? ... нельзя ли мне представить на твое распоряжение все, что после меня останется, составив бумагу», далее следовал набросок завещания, которое давало бы Воронцову «полное право» распоряжаться имуществом Сабанеева после его смерти¹⁸. Несколькими месяцами позже, в предсмертном уже письме от 29 июня 1829 г. из Дрездена: «Успокой меня при дверях гроба, яви духовную. Библиотеку мою, после меня остающуюся, возьми себе»¹⁹. Многие из сохранных Воронцовым рукописей Сабанеева в конце XIX в. были опубликованы в составе много томного «Архива князя Воронцова». Прежде всего, туда вошли 119 писем Сабанеева М. С. Воронцову 1812–1829 гг.²⁰ Оригиналы писем ныне хранятся в фонде Воронцовых в РГАДА. Там же немало неопубликованных писем, в основном, краткие не датированные записки и черновики (Оп. 3. Д. 1578–1584). Особый интерес представляют «Заметки И. В. Сабанеева», опубликованные в 36 томе «Архива князя Воронцова»²¹. Публикация предварялась письмом Сабанеева Воронцову из Тирасполя от 7 февраля 1826 г.: «Любезнейший друг. Посылаю тебе мои бредни. Сам чувствую, что они весьма слабо написаны и заключают в себе весьма мало подробностей; но подробности сии по некоторым предметам, как например, касательно учреждения военных училищ, о маневрах рассыпного строя, краткие арти-

кулы, которые были мне запрещены под предлогом тем, что нельзя сокращать законы, найдешь между прочими бреднями моими в рукописи под названием Урна, находящейся теперь у Казначеева»²².

К счастью, «Урна», точнее, сборник «Урна мыслей старого солдата», беловая рукопись с авторской правкой, также оказалась у М. С. Воронцова и ныне хранится в РГАДА (Оп. 1. Д. 2877). Этот сборник и послужил основным источником раздела «Заметки И. В. Сабанеева» в «Архиве князя Воронцова». Но содержание «Урны» этой публикацией не исчерпывается.

Сам Сабанеев придавал особое значение «Мысли о солдате», первым читателем которой снова был М. С. Воронцов: «Обязан служить, покуда силы позволяют; а как я не могу служить как многие [т.е. прислуживаться] и поставлю главнейшим подражать тебе, мой редкий друг, то и написал Мысли о солдате, из коих, конечно, многое многим не понравится. Но я желал бы знать твоё обо всем том мнение и для того тебе посылаю», и далее: «Мысли о солдате тебе нравятся; радуюсь, что мнения мои на счет почтенного солдатского сословия с твоими согласны»²³. Этот документ Сабанеев даже попытался донести до руководства страны: «Не имея случая быть в Петербурге и не надеясь иметь счастья объясниться лично с Государем, послал я известную тебе Мысль о солдате с некоторыми переменами (бороды вымарали) и добавлениями при письме Аракчееву. Теперь занимаюсь составлением практического курса военных познаний для унтер-офицеров»²⁴. Спустя полгода он сообщает: «Мысль о солдате совершила путь свой с Кавказа в Петербург и возвратилась благополучно в Бендеры с отзывом Аракчеева, что представления сего рода дел государю до него не относятся, но единственно до князя Волконского, коему и советует мне адресоваться. Но я думаю лучше оставить это до времени и при случае, буде удастся, представить лично государю, с исключением, по совету твоему, статьи о мундирах, которая, пожалуй, не понравится и может все испортить»²⁵.

В РГАДА имеется автограф «Мысли о солдате» (Оп. 1. Д. 2294). Кстати, этот вариант вошел в состав «Урны мыслей старого солдата» (в дополненной и слегка стилистически измененной редакции). В этой работе Сабанеев излагает свое видение таких важнейших моментов, как взаимоотношения солдат и офицеров, особенности организации службы солдат и казаков, кратко, но емко высказывается по широкому кругу вопросов: сроки службы, форма одежды, военная медицина. В ней звучат темы ответственности офицеров перед нижними чинами, недопустимости разницы в организации службы солдат и казаков: «Козак и егерь оба русские, служат одному и тому же государю. Отчего же козак свободен, а солдат не имеет права пользоваться таковою свободою!» (Оп. 1. Д. 2877. Л. 7об.–8об.). В разделе «Срок службы»

(имеется только в редакции, представленной в «Урне») Сабанеев высказывается о завершении военной службы в возрасте 50 лет, безотносительно к стажу, что соответствовало бы «силам человеческим» и «не лишало надежды» (Оп. 1. Д. 2877. Л. 12). Размышлял Сабанеев и о необходимости учитывать при формировании полков как разделение страны на губернии, так и многонациональный характер русской армии таким образом, чтобы эти факторы ее усиливали, а не ослабляли (Оп. 1. Д. 2877. Л. 9об.–10об.). Солдатская форма также должна учитывать национальные традиции: «Вместо короткого кафтана немецкого покроя, кафтан русский, таковой точно формы, каковы были в олонецком и других ополчениях» (Оп. 1. Д. 2877. Л. 12об.). Предвидя возражения, Сабанеев излагает историю вопроса в подстрочном примечании: «Великий государь Петр I, образуя регулярное войско, одел их в немецкие кафтаны и обрил бороды», поскольку «в то время солдат, чем более походил на иностранца, тем лучше. Теперь напротив» (Оп. 1. Д. 2877. Л. 12об.). Однако вопрос о военной форме (включая ношение бород) для руководства армии был принципиален, и здесь он меньше всего надеялся добиться понимания.

Практическую реализацию многих своих идей Сабанеев предпринял во вверенном ему корпусе. Один из разделов «Урны» озаглавлен «Краткое содержание приказов с 1816 года по [1]821 год». В подразделе «Относительно сбережения нижних чинов и обхождения с ними» имеются выписки из приказов, демонстрирующие постоянную заботу о бытовой стороне солдатской службы (здоровье, гигиена, одежда, питание) (Оп. 1. Д. 2877. Л. 55). Не менее волновала Сабанеева профессиональная подготовка солдат и офицеров: «Во время ученья стараться терпением и внятным растолкованием внушать, чего желают, без палок, пинков, пощечин и пр. За чем и поручено смотреть полковым командирам. <...> Иметь один экземпляр Устава о строевой пехотной службе. <...> Читать рекрутам Катихизис, присягу, наставление о должности часовых и артикулы ежедневно. <...> Читать артикулы при разводах, учении и перекличках» (Оп. 1. Д. 2877. Л. 57об.). В «Урне» воспроизведен также краткий «Солдатский катехизис», составленный Сабанеевым еще в 1808 г. (см. прил.).

Пути пополнения русской армии квалифицированными офицерскими кадрами изложены Сабанеевым в «Проекте о снабжении армии офицерами в количестве, соразмерном настоящему комплекту оной, и доставлении средств бедным людям образовывать детей своих для пользы государственной [1]817 года» (Оп. 1. Д. 2877. Л. 3–6), который Сабанеев отослал Воронцову в 1818 г. Многие проблемы русской армии Сабанеев объясняет «упадком дворянского сословия», поскольку именно это приводит к появлению в ней «неуков», родители которых не имели возможности дать детям обра-

зование. В разделе «Неудобства удаления существующих ныне кадетских корпусов и причины устройства военных лицей в пользу бедных юношей военного и гражданского ведомства» Сабанеев предлагает создать военные лицеи и кадетские корпуса во всех военных округах, а не только в столицах. Предусматривается назначение директоров «лицей» из опытных генералов, бесплатное обучение детей военных, отправление лучших воспитанников в столичные кадетские корпуса для дальнейшего обучения (Оп. 1. Д. 2877. Л. 4–5). Рукописные наброски свидетельствуют, что Сабанеев пробовал себя не только в составлении «курса военных познаний», но и в подготовке учебных текстов широкой гуманитарной направленности, таких, например, как «Заметки и рассуждения об обычаях и лицах из всеобщей русской истории» (Оп. 1. Д. 2831).

«Курс военных познаний» И. В. Сабанеева и другие служебные и методические тексты, составленные и им самим и М. С. Воронцовым, постоянно обсуждались в письмах²⁶. Особенно это касалось трудов Сабанеева об использовании рассыпного строя и стрелков в современной армии. В самом начале своей военной карьеры, в сентябре 1799 г., совершив в составе суворовских войск переход через Чертов мост, в г. Глазус Сабанеев был ранен в голову и вместе с другими ранеными офицерами оставлен в горной хижине на милость победителя. Проведя год в плену на территории Франции, Сабанеев изучил передовые по тем временам приемы ведения боя, позднее успешно применив их в России. Воронцов высоко ценил военный опыт Сабанеева: «Расчет твой для стрелков мне кажется самый лучший. <...> У меня все пехотные полки учатся разсыпаться по егерски»²⁷.

Фрагменты одного из трудов Сабанеева «Правила для стрелков и построение дивизии в боевой порядок колоннами» (Оп. 1. Д. 2308) были включены М. С. Воронцовым в приказ, отпечатанный в типографии его корпуса, «данный» им в 12-ю пехотную дивизию 1 июня 1815 г. в Гасфурте²⁸. «Правила» Сабанеева просты и лаконичны, некоторые формулировки явно рассчитаны на восприятие нижних чинов: «1. В пальбе не торопиться. 2. Огня прежде времени не открывать... 3. Патроны беречь.<...> 4. Слова: обойдены! отрезаны! запрещаются под смертною казнию. Разсуждать об опасности есть дело начальника. Солдат обязан повиноваться.<...> 6. Всякий крик, даже и самое Ура! без особого на то приказания запрещается. 7. В бегстве несравненно более людей гибнет, нежели в самой отважной атаке. Кто вперед идет, тому одна пуля, а кто назад бежит, тому десять вслед» (Оп. 1. Д. 2308. Л. 3–5). За этими простыми рекомендациями стоит реальный практический опыт боевого генерала Отечественной войны 1812 года: еще 17 августа 1813 г. в письме «по дороге из Дрездена» он патетически восклицал: «О, Господи Боже! С этой прекрасной ар-

мией, с этими молодцами только и слышим, что ретирады, обойдены, отрезаны да разные ученые слова. Что будет дальше, не знаю»²⁹.

В архиве Воронцовых имеются еще две работы И. В. Сабанеева на ту же тему. Это рукопись под заглавием «Общие правила» из «Связки бумаг гр. Дебальмена»³⁰. Она имеет прямые текстологические совпадения с «Правилами для стрелков»: «Вообще можно всем егерям пред начатием дела нужно внушить следующее: 1) Патроны беречь. 2) Не только назад, ниже вперед с криками Ура! без приказа не бегать. 3) Слова обойдены, отрезаны, запретить под опасением жесточайшего наказания. 4) В бегстве несравненно больше людей гибнет, нежели в самой отважной атаке» (Оп. 1. Д. 1940. Л. 15об.). В работе обобщен личный опыт использования и обучения стрелков: «Цепь стрелков должна состоять из лучших и надежнейших людей, потому что большое количество разсеянных без разбора и названных только стрелками солдат, более вреда, нежели пользы сделать могут: многие из них, не имея довольно хладнокровия управлять собою без помощи, увидя какой-нибудь неприятельский взвод, принимают его за колонну, приходят в робость, бегут, а тем увлекают за собой и самых отважнейших. <...> В доказательство могу я представить несколько примеров прошедшей французской и нынешней финляндской компаний» (Оп. 1. Д. 1940. Л. 13). Ниже имеется примечание: «При начале нынешней компании разсыпал я только стрелков и охотников, и видел пользу оных», и далее: «...не ясно ль видно в последнюю французскую кампанию, что артиллерия делает более грому, нежели вреда, даже и самому сомкнутому фронту, особенно навесными своими выстрелами, следовательно, стрелкам еще менее. Действие картечи опасно быть может только для стоящей на месте кавалерии и частично для тех пехотных колонн, которые, вместо быстрой атаки, подвигаются вперед весьма робкими шагами, или бегут назад кучами: напротив же того, отважные стрелки, предводимые храбрыми и расторопными офицерами, не только не побегут от действия картечи, но перебьют неприятельских артиллеристов и заставят молчать артиллерию, следовательно, пальба по оным должна быть главной целью стрелков при атаке артиллерии» (Оп. 1. Д. 1940. Л. 14). Текстологический анализ позволяет с достаточной долей уверенности приписать «Общие правила» Сабанееву и датировать их 1808–1809 гг. (ввиду упоминания «нынешней финляндской компании»).

Еще один более поздний документ на ту же тему – рукописные «Замечания на изданные Правила относительно обучения стрелков. Из бумаг ген. от инф. Сабанеева» (Оп. 1. Д. 2885; бумага датирована 1821 г.). В нем снова излагаются доводы в пользу рассыпного строя и грамотного использования стрелков в современной армии: «Выстрелы сомкнутого фронта не могут

быть действительны, хотя бы правила стрельбы и были известны каждому солдату», «цепь стрелков, по мнению моему, никогда в штыки ходить не должна» (Оп. 1. Д. 2885. Л. 1, 6). Большое внимание уделяется процессу обучения стрелков: «Подвижные мишени не скоро и немногим могут быть полезны» (Оп. 1. Д. 2885. Л. 3). Кроме того, Сабанеев возражает против использования в процессе обучения глиняных пуль: «Я бы не советовал стрелять глиняными пулями. Они слишком мягки и далее 60-ти шагов лететь не могут», при этом нарушение технологии их изготовления может приводить к «порче ружей» (Оп. 1. Д. 2885. Л. 2–2об). Рекомендации использовать при обучении стрелков глиняные пули содержались в «Положении об отпуске ежегодно в учрежденные рекрутские депо на ученье рекрут и команд при них состоящих пороха и других вещей» (от 21 декабря 1808 г., за подписью А. А. Аракчеева), которое входило в состав «Положений о рекрутах». Там регламентировалось: «Пули употреблять при учении как рекрутам так и строевой команде глиняные, о приуготовлении коих следует при сем особое описание под литерою А». Далее действительно давалось «Краткое описание каким образом приуготовлять глиняные пули», также за подписью А. А. Аракчеева³¹. Эти рекомендации были повторены в «Правилах о стрельбе в цель», в 1825 г. изданных А. А. Аракчеевым в типографии Штаба военных поселений³².

Методические разработки И. В. Сабанеева не были опубликованы при его жизни, однако некоторые из них использовались в практике русской армии и М. С. Воронцовым и им самим. Его видение военной реформы, мнения о подготовке офицерского корпуса, организации обучения солдат и офицеров и поныне представляют определенный интерес для историков русской армии. Его личность и деятельность и в эпоху наполеоновских войн, и в послевоенной России достойны дальнейшего внимания.

Приложение

И. В. Сабанеев. Солдатский катехизис [1]808 года

Кто грудью стоит за веру, царя и царство, того Бог милует. Кто вперед идет, тому одна пуля роковая, кто назад бежит – тому десять вслед. Храбрый солдат терпит раны как мученик, мерзкой трус – как наказанной преступник. Марадер, беглец, грабитель – не солдат. Он не стоит ни божией милости, ни царской. Бойтесь Бога, повинуйтесь начальникам, терпите без роптания, деритесь храбро, помните присягу. Вот ваши обязанности, в коих каждый из вас дал клятву пред самим Богом.

РГАДА. Оп. 1. Д. 2877. Л. 16об.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив князя Воронцова / Ред. П. И. Бартенев: В 40 кн. М., 1870–1895; М., 1893. Кн. 39. С. 400. Оригинал письма см : РГАДА. Ф. 1261, Воронцовы. Оп. 3. Д. 1580. Л. 95.

² Архив князя Воронцова. Кн. 39. С. 353.

³ Там же. С. 356.

⁴ Русский биографический словарь. М., 1904. Т. 18. С. 1–7.

⁵ Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 634; Отечественная война 1812 года и Освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия. М., 2012. Т. 3. С. 279.

⁶ Серова И. А. Ярославль и ярославцы в эпоху 1812 года. Ярославль, 1812. С. 84–87, 119, 123.

⁷ Архив князя Воронцова. М., 1890. Кн. 36. С. 465–481; Кн. 39. С. 351–521.

⁸ Отечественная война 1812 года и Освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Т. 3. С. 279.

⁹ Серова И. А. Указ. соч. С. 11.

¹⁰ Архив князя Воронцова. Кн. 39. С. 443.

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 216–218.

¹² Архив князя Воронцова. Кн. 39. С. 401. К сожалению, в 1815 г. Сабанееву и Воронцову не удалось «увидаться и поговорить обо всем» (Там же. М., 1891. Кн. 37. С. 424). Сабанеев, «не дождавшись» Воронцова в Нанси, где некоторое время дислоцировался вновь созданный Оккупационный корпус, отправился в Варшаву, где они также предполагали встретиться, а оттуда – домой в Россию (Там же. С. 369, 401, 404).

¹³ Там же. Кн. 39. С. 392–393.

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 216–218.

¹⁵ Эйдельман Н. Я. Первый декабрист: Повесть о необыкновенной жизни и посмертной судьбе Владимира Раевского. М., 1990.

¹⁶ Давыдов М. А. «Оппозиция его величества»: Дворянство и реформы в начале XIX в. М., 2005. С. 26–28, 32–33, 107–118, 269–272.

¹⁷ Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 392. В 1818 г. Сабанеев «женится на разводке» Пульхерии Яковлевне (урожденная Борецкая, по первому мужу, подлекарю, Шиповская), брак был благополучен, но не признан церковью (Архив князя Воронцова. Кн. 39. С. 409–410).

¹⁸ Архив князя Воронцова. Кн. 39. С. 510, 512.

¹⁹ Там же. С. 519.

²⁰ Там же. С. 520–521.

²¹ Там же. Кн. 36. С. 465–481.

²² Там же. С. 465.

²³ Там же. Кн. 39. С. 406, 410.

²⁴ Там же. С. 417.

²⁵ Там же. С. 438.

²⁶ Там же. С. 385, 361, 405, 411, 415, 417, 432, 437, 441, 445–447, 455, 458–459, 461–462, 464; Кн. 37. С. 425, 427.

²⁷ Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 426–428.

²⁸ Уже в 1817 г. приказ Воронцова был переиздан в журнале «Сын Отечества» под заглавием «Некоторые правила о построении дивизии к бою, о стрелках и проч.» с преамбулой: «Почти все, что касается до стрелков, взято мной из записок и правил одного из отличнейших наших воинов, генерал-лейтенанта Сабанеева» (Сын Отечества. 1817. Ч. 37, № 13. С. 3).

²⁹ Кн. 39. С. 387.

³⁰ Генерал-майор Карл Андреевич де Бальмен (1786–1812), весной 1812 г. скончавшийся от ран, полученных в русско-турецкой войне, был женат на урожденной Нарышкиной, дочери А. И. Воронцовой. Овдовев, она провела несколько лет в Лондоне у С. Р. Воронцова.

³¹ Положения о рекрутах, с последовавшими после состояния оногo в дополнение и отмену узаконениями, показанными в особом описании. В Санктпетербурге. СПб.: В тип. Воен. м-ва, 1813. Ч. 1. С. 2, 8–10 (4-я пагинация).

³² Правила о стрельбе в цель. СПб.: Тип. Штаба воен. поселений, 1825. С. 14.